

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Поплавский Б.Ю. Покушение с негодными средствами: Неизвестные стихотворения. Письма к И. М. Зданевичу / Сост. и предисл. Режисера Гейро. – М., 1997.
2. Ливак Л. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920-1926) // Диаспора: Новые материалы. Т. 7. – СПб.; Париж, 2005.
3. Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегадьдо. – М., 1996.
4. Поплавский Б.Ю. Собр. сочин.: В 3 т. – Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. – М., 2000.
5. Поплавский Б. Ю. Сочинения / Общ. редакция и коммент. С.А. Ивановой. – СПб, 1999.
6. Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. – СПб., 2008.

M. Galkina

UNCOMPLETE TRILOGY OF BORIS POPLAVSKY: THE ATTEMPT TO RECONSTRUCT THE COMPOSITION IDEA

Abstract. The novels “Apollo Bezobrazov” and “home from the heaven” having been considered in unity gave us the opportunity to reconstruct the author’s idea of the incomplete trilogy by B. Poplavsky. Considering poetics of titles, space structure, images of the main characters we can conclude that narrative move of the trilogy directed to initiation of the character by his transfer to the metahistorical dimension leads to elimination of the opposition between “worldly” and “supernal” in the fiction world created by B. Poplavsky.

Key words: trilogy’s composition, author’s idea, artistic method, poetics of titles, Apocalypse and apocatastasis, dialogue.

УДК (821.161.1)

Данилов А.Г.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА СМОЛЕНСКОГО 1940-50-Х ГОДОВ*

Аннотация. В статье рассматривается особый пласт позднего творчества поэта-эмигранта В.А. Смоленского – его гражданская лирика. Раскрывается его интерпретация отечественной истории, выявляются религиозные мотивы в обращении поэта к образу России. Уделяется внимание авторскому стилю, в котором органично сочетаются публицистический пафос, лирическое начало и пророческие интонации.

Ключевые слова: Смоленский, Россия, история, революция, война, религиозный.

Заявленная в раннем творчестве Владимира Алексеевича Смоленского (1901–1961) гражданская тема получила интенсивное развитие в его послевоенной лирике. Очертания поэтического образа России обозначились еще в сборнике 1938 г. «Наедине». Чувство любви к вечной, мистической сущности родной страны в лирике второй половины 1940-х–1950-х гг. по-прежнему слито в душе поэта с чувством ненависти к коммунизму, к советской власти. При этом характер борьбы между этими чувствами меняется; эволюци-

онирует и авторский стиль: появляются сюжетные стихотворения, в стихи проникают редкие описания дореволюционного русского быта.

Боль утраты родины выражена даже в далеких от гражданской тематики произведениях Смоленского. Немало в его послевоенной лирике и открыто антисоветских стихотворений, причем налицо религиозное понимание поэтом природы антибольшевизма. Каиновым делом объявляется коммунистическое строительство в стихотворении «И не прощено, не раскаянно...»:

*И не прощено, не раскаянно,
В гордыне, ужасе и зле
И в страхе бродит племя Каина
По русской авельской земле (233) [1].*

Родная земля для поэта – невинная жертва, в этом ореоле святости она и хранится в его душе.

Смоленский до конца жизни оставался верен монархистским убеждениям. Ярким свидетельством этого являются «Стансы», написанные им в середине 1940-х гг. Идеал дворянской, усадебной России воплощен поэт

* © Данилов А.Г.

том в стихах, исполненных ритмико-интонационной гармоничности, светлой мелодической окрашенности:

*Давно был этот дом построен,
Давно уже разрушен он,
Но, как всегда, высок и строен,
Отец выходит на балкон.*

*И зоркие глаза прищуря,
Без страха смотрит с высоты,
Как проступают там, в лазури,
Судьбы ужасные черты.*

*И чтоб ему прибавить силы,
И чтоб его поцеловать,
Из залы, или из могилы
Выходит улыбаясь мать... <...>*

*А рядом мальчик черноглазый
Прислушивается, к чему –
Не знает сам, и роза в вазе
Бессмертной кажется ему (155-156).*

Стихотворение автобиографично: *виденье сонное* лирического героя о *погибшем доме* содержит художественно претворенные воспоминания поэта о детских годах.

Отметим вслед за Г.П. Струве одну из особенностей данного стихотворения – «редкое у Смоленского изображение внешней обстановки» [2]. При всей традиционности (*Четыре белые колонны / Над розами и над прудом, балкон, зала*), именно такое описание стало для поэта, как и для многих его современников, символом прежней России:

*Над зеленой высокой осокой скамья,
Как в усадьбе, как в детстве, с колоннами дом...*

<...>

– Ветер, ветер, куда ты уносишь меня?..

[3]

(И. Одоевцева. «Над зеленой высокой осокой скамья...»).

*Вижу неба свод бездонный, парк и прудик сонный,
Вижу белые колонны дедовских хором,
Вековые сосны, ели, меж берез – качели,
Слышу нежный звон свирели под моим окном...*

<...>

*Неужели все былое навсегда прошло?.. [4].
(В.А. Сумбатов. «Сны воспоминаний»).*

*На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани,
Ведут три каменных ступени на крыль-*

цо...

В тяжелой двери медное кольцо.

Над дверью барельеф – меч и головка лани,

А рядом шнур, ведущий к фонарю...

На острове моих воспоминаний

Я никогда ту дверь не отворю! [5]

(Н. Тэффи. «Край мой»).

Проблему «воссоздания образа России, воскрешения черт утраченной родины» А.И. Чагин связывает с проблемой поколений эмигрантской литературы [6]: отсутствие у младоэмигрантов опыта целостного восприятия России рождало в их произведениях мотивы ухода от реальности, одиночества, распада. Попытки создать образ родной страны, таким образом, вызваны жаждой преодолеть творчеством дисгармонию современного мира, боль бездомного, разобщенного существования. Справедливо это и для «Стансов» Смоленского.

В стихотворении «Твой взор равнодушный и узкий...» идеальная Империя уступает место *степной*, азиатской России. Поэт подчеркивает стихийность, иррациональность народной души, чуждой как ценностям европейской рационалистической культуры, так и материалистическим идеалам большевизма:

*Твой взор равнодушный и узкий,
И зоркий в своем полусне,
И счастье калмыцкое в русской
Несчастной и дикой стране.*

*Соленые ветры, ненастье,
Степная, безмолвная тишь... (144).*

Об утрате искреннего, *калмыцкого* начала русской души в Советской России сказано в последних строках стихотворения:

*Любовь, что ты помнишь о счастье?
Звезда, для кого ты горишь? (144).*

Уместно вспомнить стихотворение Г. Иванова «Россия, Россия рабоче-крестьянская...», созданное в 1930 году и вошедшее в сборник «Розы». Старший современник Смоленского оплакивал русское *счастье цыганское*, погибшее в результате исторического слома:

*Деревни голодные, степи бесплодные...
И лед твой не тронется –
Едва поднялось твое солнце холодное
И вот уже клонится [7].*

Элегическая тональность, родственность идей и мотивов, образные соответствия и лексические совпадения позволяют говорить о том, что стихотворение «Твой взор равнодушный и узкий...» Смоленский создавал, ориентируясь на текст Г. Иванова.

Фиксируя в «Стансах» гибель дворянской, европейской России, а в стихотворении «Твой взор равнодушный и узкий...» – гибель России «степной и дикой», азиатской, Смоленский снова возвращается к антикоммунистическому пафосу.

Важнейшие вехи жизни поэта также находили отражение в его стихах, соединяясь с размышлениями о судьбе родной страны. В стихотворении «Над Черным морем, над белым Крымом...» Смоленский воскрешает в своей памяти годы гражданской войны, стремясь прояснить духовную сущность минувших событий. Поражение врангелевской армии – ангельского воинства – воспринимается Смоленским как свидетельство победы в России inferнальных сил: *И Ангел плакал над мертвым ангелом... / – Мы уходили за море с Врангелем* (180). Отмечая достоинства этого стихотворения, Р.Б. Гуль, тем не менее, более «мужественным и цельным» назвал стихотворение Н. Туроверова «Крым» [8]. Можно отметить общие для обоих произведений мотивы поражения, гибели – *дыма*, которым обратилась былая *слава России*. Гораздо значительнее различия: если Смоленский предложил религиозно-мистическое осмысление изображаемых событий, то Туроверов сосредоточил внимание на их морально-психологической стороне.

В «Стихах о троцкистах» голос Смоленского обретает публицистическое звучание. Строчки о подписывающем смертные приговоры *вожде*, у которого *под сердцем жаба шевелится*, и *толстом, лысом секретаре*, который *жирною подергивает ляжкой* (187), носят характер инвективы. Но и в этих стихах имеется религиозный взгляд на изображаемые события. Настраивает на метафизический лад предпосланный стихотворению эпиграф: *Мне отмщение и Аз воздам*. В Писании это изречение встречается трижды (Втор. 32, 35; Рим. 12, 19; Евр. 10, 30). В журнальной публикации текста «Памяти троцкистов» [9] Смоленский указывает конкретное место в Писании – это 32 глава Второзакония, содержащая слова Господа, обращенные к отпавшим от Него. Таким образом, мысль поэта о том, что советская власть заслуживает Божией кары, проявлена здесь горячо и открыто.

Выходом на уровень метаисторических

прозрений отмечен поэтический отклик Смоленского на начало второй мировой войны. В стихотворении «Ты в крови – а мне тебя не жаль...», написанном вскоре после нападения Германии на Советский Союз, поэт воспринимает начавшуюся войну как *расплату за грехи*, за коммунистическое *насилие над человеком* (182). Смысл испытаний толкуется как очищение, выявление *небесного лица* России. Именно так двадцатью годами ранее воспринимал события революции и гражданской войны целый ряд русских поэтов. М. Волошин в стихотворении «Заклинание (от усобиц)» из сборника «Неопалимая Купина» провозгласил веру в промыслительность исторических испытаний, в бессмертие национального духа: *Из крови, пролитой в боях, / <...> Возникнет праведная Русь* [10]. *Неопалимой* называет Россию и Смоленский, что еще больше сближает его стихотворение с историософскими идеями Волошина.

Волошинское уподобление России библейскому горящему, но не сгорающему кусту ощутимо повлияло на эмигрантскую поэзию. Так, В.И. Горянский создал стихотворение «Неопалимая Купина», в котором Россия также предстает как колыбель праведности, должной явить себя в будущем: *О восхитительной стране, / Всегда одной, ни с чем не схожей, – / Неопалимой Купине, / Откуда глас раздастся Божий* [11]. Страшные годы войны, выпавшие на долю родины, Горянский трактует как *искупленье и расплату*. Это убеждение высказано и в стихотворении Смоленского.

Отметим, что в стихотворении «Ты в крови – а мне тебя не жаль...» Смоленский связывает образ *небесной* России с музыкальным началом, которое, по его мысли, было утрачено после революции: *Ты почти что разучилась петь, / Помнишь ли, как раньше райски пела?* Тем самым вновь подчеркивается враждебность большевизма духу свободы, творчества, религиозности.

Отчасти за это стихотворение, отчасти – за дружбу с Мережковскими и В. Злобиным, а в первую очередь – за непримиримые антисоветские убеждения, от которых Смоленский не отказался и в военные годы, некоторые эмигранты обвиняли его в коллаборационизме. На эти обвинения ответила в своих воспоминаниях о поэте З. Шаховская: «Утверждаю, Смоленский был человек глубоко порядочный – ни в каких литературных склоках не замешанный – и благородный. <...> С немцами не сотрудничал, никого никогда не выдал, продолжал жить в бедности»

[12]. Отказался Смоленский и от участия в профашистских изданиях, выходявших в оккупированном Париже.

Особое место в гражданской лирике Смоленского занимают три помещенных друг за другом стихотворения из сборника «Счастье», в которых утверждается связь поэта с душой России: «Я знаю, Россия погибла...», «России» («Люблю Тебя последнею любовью...»), «Не надо о России говорить...». Исторические и политические мотивы отходят здесь на второй план, на первое место выходит стремление поэта раскрыть женское начало в образе России, выразить свою преданность родной стране.

В основе первого из этих стихотворений – «Я знаю, Россия погибла...» – лежит противопоставление *погибшей* царской России и России *вечной*, оставшейся *в страданье, в мечтах и в крови*. Противопоставление это обнаруживает здесь свою глубинную основу – за этими антиномиями скрывается конфликт знания и веры, пронизывающий многие мотивы лирики Смоленского. Если знание связывается здесь с мотивом гибели (прежней России, самого лирического героя), то вера – с мотивом *воскресающей в любви* души родной страны. Себя же герой стихотворения осознает хранителем русской духовности, русской веры, и силы для этого черпает в ощущении своего единства с родиной: *Я сильную руку России / Держу в моей слабой руке (184)*. Характерен образ *российских лебедей*, которых герой видит из *мансарды парижской*. Совмещение в одном описании западных реалий с воспоминаниями о России, которое мы наблюдаем здесь, позволяет говорить о том, что память о России не только была духовной опорой для поэта эмиграции, но и преображала его восприятие западного мира.

В стихотворении «России» («Люблю Тебя последнею любовью...»), самом светлом в гражданской лирике Смоленского, любовь поэта к родной стране – *небесной и земной, в величье, в рабстве, в громе и в тиши (185)* – получает предельное выражение. О том, что монолог лирического героя обращен к России, сообщается лишь в заглавии, без которого стихотворение могло бы восприниматься и как любовное. Обратную ситуацию можно увидеть в стихотворении «Никогда со мною ты не будешь...»: не имея посвящения, оно в равной степени может иметь адресатом и возлюбленную, и недостижимую Россию, любовь которой вместо *счастья* несет герою лишь *страданье* – источник его поэтического вдохновения.

Неразрывность любви и страдания утверждается Смоленским и в стихотворении «Не надо о России говорить...». Не забывая, что в изгнании *у каждого <...> есть в сердце рана*, поэт призывает современников не замыкаться в страдании, а мужественно *любви не предавать, терпеть и ждать: И слаб герой, который в муке стонет (186)*. Рождают в сердце читателя не боль, а любовь к России – таков, по убеждению Смоленского, долг всякого эмигрантского поэта, обратившегося к заветной теме.

К этим трем стихотворениям Смоленского примыкает стихотворение «России» («Ты мне нужна, как ночь для снов...»). На протяжении четырех строф подбирая все новые и новые сравнения для своей тоски по России, предстающей здесь важнейшим источником жизненных и творческих сил, поэт перевешивает их заключительной строкой: *Но нет тебя со мною (232)*. Главное же, что объединяет это стихотворение с тремя обозначенными выше, – это соединение элементов гражданской и любовной лирики, наделение образа России чертами женщины-возлюбленной.

Соединение интимно-личностного начала со стремлением постичь исторический путь родины характерно для всего творческого пути Смоленского. Наиболее ярко это проявилось в стихотворении «Святая Таисия». С. Дурасов увидел в его центральном образе три смысловых пласта: «преданная, жертвенно любящая жена» (жену Смоленского звали Таисия), «Россия, в ее высоких порывах, в страшных бедствиях и падениях» и «женский образ, в чем-то соответствующий жизненному пути, страстям и борениям самого Смоленского» [13]. Отметим также, что в этом стихотворении сконцентрированы все доминантные темы поэтического наследия Смоленского.

Вспоминая о великой славе и низких падениях родины, автор говорит и о неразрывности исторической России и Православия. Утрата этого единства в Советской России болезненно переживается поэтом:

*От Тебя отступилась небесная рать.
Но мне сладко с Тобой умирать (195).*

Таким образом, в послевоенной гражданской лирике Смоленского усиливаются две ее основные линии. Первая из них, связанная с ненавистью поэта к большевизму, в своем выражении обретает новые интонации. Публицистический пафос ранних произве-

дений Смоленского сменяется лиричностью, из стихов постепенно уходят риторичность и мелодраматизм. Вторая линия связана с осмыслением мистической души России. Сотносясь с женским началом, образ России в художественном сознании поэта все сильнее сливается с образом возлюбленной; такое соединение гражданской и любовной лирики – специфическая черта послевоенного творчества Смоленского, своеобразный возврат к новому освоению поэтических открытий Блока и других символистов.

Весьма значимую роль в позднем творчестве Смоленского стали играть исторические мотивы, нередки отсылки к конкретным событиям, упоминания конкретных деятелей прошлого. Главная цель осмысления и воссоздания поэтом русской истории – та же, что и при обращении к образу Советской России: выявление сквозь *мглу* конкретно-исторических обстоятельств *небесного лица* России. Здесь же обретаются истоки веры Смоленского в грядущее воскрешение родной страны, в ее особый духовный путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Здесь и далее стихотворения В.А. Смоленского цитируются по изданию: Смоленский В.А. «О гибели страны единственной...»: Стихи и проза / сост., вступ. ст. В.В. Леонидова. – М., 2001. – 288 с., ил. (с указанием номера страницы в круглых скобках).
2. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: изд. 3-е, испр. и доп. – Париж; М., 1996. – С. 232.
3. Цит. по: Одоевцева И.В. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены / сост., подгот. текста, вступ. ст. Е.В. Витковского; послесл. А.П. Колоницкой. – М., 1998. – С. 104.
4. Цит. по: Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / сост. Л.Ф. Алексеевой; науч. ред., подгот. текста В.А. Резвого; предисл., биограф. справка С. Гардзонио; примеч. Л.Ф. Алексеевой, С. Гардзонио, В.А. Резвого. – М., 2006. – С. 32-35.
5. Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990. В 4 кн. Кн. 1 / сост. Е.В. Витковский. – М., 1995. – С. 95.
6. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. – М., 2008. – С. 285-286.
7. Цит. по: Иванов Г.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 1: Стихотворения. – М., 1993. – С. 278.
8. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. II: Россия в Франции / предисл. О.А. Коростелева. – М., 2001. – С. 174-175.
9. Смоленский В.А. Памяти троцкистов // Возрождение. – 1953. – № 29. – С. 81.
10. Цит. по: Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899-1926 / сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. – М., 2003. – С. 353.
11. Цит. по: «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990. В 4 кн. Кн. 1 / сост. Е.В. Витковский. – М., 1995. – С. 252.
12. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. – М., 1991. – С. 153.
13. Дурасов С. «Они летят безумной, легкой стаей В пределы рая иль в пределы ада...» (о стихах Владимира Смоленского) // Крылья голубиные: альманах православных христиан. – 2005. – Вып. 2. – С. 41.

A. Danilov

POETIC IMAGE OF RUSSIA IN VLADIMIR SMOLENSKY'S LYRICS OF 1940-50-TH YEARS

Abstract. This article is devoted to the analysis of the V.A. Smolensky's patriotic lyrics, which was a special layer of late period of his creativity. Are analyzed in the article Smolensky's interpretation of Russian history, religious motives in appeal the poet to an image of Russia. Attention is given to author's style in which publicistic pathos, the lyrical notes and prophetic intonations are organically combined.

Key words: Smolensky, Russia, history, revolution, war, religious.